

Лэсли проследил за направлением, куда указал стоящий рядом альфа, и тут же разразился высокомерным смехом:

— И это тот самый смазливый мальчишка?

— У него бедра тоньше моих рук. Если Цзун Чихуай умудрился проиграть такому ничтожеству, значит, он сам не стоит ломаного гроша. Тратить на него время — только себя не уважать.

— Разумеется, босс. К чему вам вообще обращать внимание на Цзун Чихуая? Раз он не смог справиться с таким слабаком, вам и подавно нет нужды марать об него руки.

Лэсли презрительно усмехнулся, стуча каблуками высоких сапог по направлению к тренировочному полю:

— Пошли, поглядим, насколько же он никчем.

Се Жун колотил по боксерской груше, и в голове у него была лишь одна мысль: как же болят руки.

Альфы не особо жаловали подобные тренировки, но у него самого не хватало сил для серьезных нагрузок, поэтому приходилось разминаться на базе. Бюро быстрых перемещений славилось своей человечностью: перед каждой миссией можно было выбрать — использовать собственное тело или тело носителя в мире. Се Жун предпочитал свое, поэтому всегда перемещался в нем, но, согласно правилам мироздания, физические лимиты каждый раз автоматически подстраивались под оригинал. Если у владельца тела были старые травмы, они переходили к нему вместе с физической немощью.

После превращения в омегу его способности заметно ослабли. Се Жун чувствовал себя так, будто знал ответы на все вопросы экзамена, но из-за травмы руки был не в состоянии написать ни слова. Поэтому все его тренировки сводились к развитию физической выносливости. Стоило телу окрепнуть, и Се Жун смог бы высвободить свою истинную мощь.

Он сосредоточенно бил по груше. От каждого удара снаряд раскачивался, и поток воздуха ерошил его короткие волосы. В его взгляде, остром и хищном, сквозила холодная красота — одновременно свирепая и притягательная.

Система 606, придя в полный восторг, принялась без умолку пищать и щелкать затвором виртуальной камеры, делая сотни снимков. В голове у Се Жуна непрерывно раздавалось это щелканье. Сначала это раздражало — хотелось прихлопнуть систему, как назойливую муху, — но 606 не унималась, осыпая его похвалами, и Се Жун в конце концов сдался.

Он продолжал наносить удары, и этот ритмичный звук в голове даже вошел в привычку,

превратив тренировку в своего рода танец. Каждый удар приходился ровно в такт щелчку. Именно поэтому, когда его кто-то окликнул, он был настолько погружен в этот ритм, что попросту не слышал.

— Это ты победил Цзун Чихуая?

Лэсли в окружении нескольких старшекурсников подошел ближе. Уголки его губ кривились в провокационной усмешке, а в сапфировых глазах читалось лишь насмешливое пренебрежение. Как только он ступил на площадку, его вызывающее поведение тут же привлекло внимание первокурсников.

Никто здесь не был фанатичным трудоголиком, отрешенным от мира. Слухи в Имперской военной академии распространялись быстро, а знаменитые синие глаза Лэсли узнавали сразу. Выходец из старого аристократического рода, он был до крайности самовлюбленным и никого не ставил ни в грош. В этом они с Цзун Чихуаем были похожи — оба отличались скверным нравом, — но в семье Цзун чтили традиции, и, несмотря на всю свою заносчивость, Цзун Чихуай никогда не издевался над слабыми.

Лэсли же был его полной противоположностью. В глазах некоторых людей унижение слабых считалось признаком истинной силы. В Имперской военной академии, как и в самой империи, царил закон джунглей: выживает сильнейший. Могущественные альфы здесь вершили судьбы. Лэсли был не самым приятным человеком, но его сила была неоспорима, и тех, на кого он клал глаз, обычно ждал печальный финал.

Первокурсники, наслышанные об этом старшекурснике, сразу поняли, к чему он ведет. Раз Се Жун победил Цзун Чихуая, значит, удар по Се Жуну — это удар по самому Цзун Чихуаю. Все понимали, что та победа с использованием духовной силы была лишь удачным стечением обстоятельств, и если бы Цзун Чихуай был готов, исход мог быть иным. Многие альфы с тревогой следили за происходящим.

А Се Жун, эпицентр разгорающейся бури, даже не понимал, что происходит. Он продолжал механически колотить грушу, не отрываясь от своего ритма.

— Давай сразимся, ничтожество. Покажи, на что ты способен.

Се Жун продолжал бить.

Лэсли нахмурился. Еще никто не осмеливался так открыто игнорировать его.

— Ты настолько напуган?

Се Жун продолжал бить.

Со стороны казалось, что он с вызывающим высокомерием отказывается даже взглянуть на

Лэсли. Курсанты затаили дыхание и, переглянувшись, молча подключились к общему каналу духовной связи.

Чат, в котором давно была тишина, взорвался сообщениями.

— О боже, Се Жун настолько бесстрашен? Он не боится, что Лэсли отправит его прямиком в лазарет?

— Мне одному кажется, что этот парень ведет себя слишком дерзко? Похоже, он профессионал в провокациях.

— Как думаете, у Се Жуна есть козырь в рукаве? Он целыми днями колотит эту грушу, словно не знает усталости. У меня аж руки заболели, глядя на него.

— А может, он его просто не слышит?

Да как такое возможно?

Никто не верил в эту версию. Лэсли же счел такое поведение верхом наглости. Усмехнувшись, он рванул с места, и курсанты охнули.

Се Жун почувствовал опасность, когда мимо уха просвистел воздух. Он отступил на шаг и с невероятной гибкостью выгнул корпус, уклоняясь от удара. Нападавший был крайне агрессивен: промахнувшись, он тут же развернулся и нанес сокрушительный удар ногой, от которой по воздуху прошла волна давления.

Даже на расстоянии Се Жун ощутил мощь этого выпада. Его движение на секунду замерло, но затем, вопреки здравому смыслу, он не отступил, а пошел навстречу атаке. Курсанты округлили глаза: никто не ожидал, что он не будет уклоняться.

Се Жун принял удар. Альфа был действительно силен, и Се Жун почувствовал, как по ноге прошла острая боль. Однако к общему удивлению, он устоял.

— Похоже, ты не такое уж ничтожество, раз смог принять мой удар.

Се Жун поднял глаза. Насмешник с синими глазами криво ухмылялся, глядя на него, как на крошечного муравья. Ха, муравья.

Взгляд Се Жуна стал ледяным.

— За драку на тренировочной площадке тебя должны отправить в карцер.

— Карцер? Не впервой. Ты упоминаешь его, потому что испугался, маленькое ничтожество? — Лэсли вскинул подбородок, сканируя его взглядом. — Я думал, ты глухой, но, оказывается, нет.

Впрочем, тебе лучше было бы оставаться глухим. Я помогу тебе это исправить.

Он собирался избить его до полуглухоты.

Брови Се Жуна сошлись на переносице, а взгляд стал острым, как обнаженное лезвие. В воздухе тренировочного поля разлилось невидимое напряжение, предвещая беду. Все присутствующие смотрели на них, включая Вэй Цзя, который забился в угол. Его взгляд, скользнувший по Се Жуну, был полон противоречий — в нем смешались тревога и разочарование.

В застывшей тишине Се Жун сделал первый шаг. Он посмотрел на Лэсли, и уголок его губ дрогнул, но в этой улыбке не было ни капли тепла.

— Ты мне помешал.

Еще немного, и он дошел бы до четырехсот двадцати одного удара.

— Жун-Жун, Жун-Жун, размажь его!

Под вопли системы Се Жун размял запястья и, сжав кулаки, бросился на Лэсли.

<http://bllate.org/book/20543/2051009>